

0- 744475

На правах рукописи

Опря Оксана Викторовна

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ В.И.ДАЛЯ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.01.01 – русская литература

Самара 2003

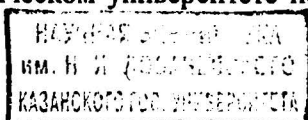
Работа выполнена на кафедре русской, зарубежной литературы
и методики преподавания литературы
Самарского государственного педагогического университета

Научный руководитель - доктор педагогических наук,
профессор Олег Михайлович
Буранок.

Официальные оппоненты - доктор филологических
наук, профессор Сергей
Михайлович Скибин;
кандидат филологических наук,
доцент Лариса
Александровна Соловьева

Ведущая организация - Педагогический институт
Саратовского государственного
университета им.Н.Г.Чернышевского

Защита состоится 18 декабря 2003 г. на заседании
диссертационного совета К 212.216.01. по присуждению ученой
степени кандидата филологических наук при Самарском
государственном педагогическом университете по адресу: 443099,
Самара, ул.Л.Толстого,47.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Самарского
государственного педагогического университет

Автореферат разослан 24 окт 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

О.И.Сердюкова.

Общая характеристика работы

Владимир Иванович Даль (1801-1872) принадлежит к числу тех талантливейших русских писателей, которые внесли неоценимый вклад в историю русской литературы. В начале ХХI века не потеряли актуальность слова В.Г.Белинского: «После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе»¹. Творчество Даля не всегда однозначно воспринималось критикой и литературоведением, в последние годы оно привлекает пристальное внимание. В 1995г. начало выходить 8тт. полное собрание сочинений писателя, в 2001г. в Оренбурге вышел сборник в 2 томах «Неизвестный Даль»². Между тем наследие Даля велико, не все вопросы поставлены и решены. Яркая, оригинальная личность Даля, сочетающая патриотизм, любовь к простому народу, стремление быть ему полезным нашла отражение во всех его делах и творческих поисках. Творения Даля необычны благодаря глубокой связи с жизнью народа и энциклопедическим знаниям его устного поэтического творчества. Близость Даля к народу подчеркивал его современник И.С.Тургенев: «Русского человека он знает как свой пять пальцев», «он проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом»³. В.И.Даль обращался к фольклорным традициям в течение всей своей жизни, особенно глубокий интерес он испытывает к ним в оренбургский период жизни (1833-1841гг.).

Д.Н.Медриш отмечал, что «фольклорная традиция хранится не в одном лишь фольклоре – она веками впитывается литературой<...>без учета фольклорного воздействия неполно представление и о литературном процессе в целом»⁴. Проблема использования фольклорных традиций уральских казаков и казахов в научных и художественных произведениях писателя не была ещё поставлена в науке. Фольклором уральских казаков и казахов до середины XIX в. никто не интересовался. Даль был гервым, кто стал его собирать и изучать. Обращаясь к фольклорным традициям, Даль делает их основными структурообразующими компонентами своих творений. Фольклорные традиции в научных и художественных произведениях писателя многофункциональны.

Исходя из сказанного выше, **актуальность** темы нашего исследования можно обусловить следующими моментами:

– насущностью задачи уяснения особенностей творческой манеры Даля;

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13т. М., 1955. Т.IX. С.399.

² Даль В.И. Полн. собр. соч.: В 8т. М., 1995.; Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург, 2002.

³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30т. М., 1978. Т.1. С.278.

⁴ Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980. С.245.

– потребностью осмысления отношения Даля к фольклорным традициям уральских казаков и казахов, что поможет получить более точное представление о фольклоризме писателя;

– необходимостью определения роли и места фольклорных традиций в художественном и научном наследии Даля.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые принята попытка через анализ форм, способов и функций фольклорных традиций прийти к постижению специфики творческой манеры писателя.

Цель работы: многоаспектное изучение форм, способов и функций фольклорных традиций в научных и художественных произведениях писателя.

Для достижения цели решается ряд конкретных задач:

– изучаются условия возникновения интереса к устному творчеству уральских казаков и казахов;

– выясняется, какой народнопоэтический материал входит в «Толковый словарь живого великорусского языка» и в художественные произведения, своеобразие его использования писателем;

– определяется, каких художественных достижений добивается Даль путем обращения к фольклору, устанавливаются роль и место устного народного творчества в наследии Даля.

Предмет исследования: своеобразие использования устно-поэтических традиций уральских казаков и казахов в творчестве Даля оренбургского периода.

Объектом исследования являются «Толковый словарь живого великорусского языка», очерк «Уральский казак», уральское предание «Полунощник», повести «Бикей и Мауляна», «Майна».

Методологической основой работы являются исследования Н.И.Кравцова, У.Б.Далгат, Д.Н.Медриша, Т.М.Акимовой, Б.М.Соколова, а также работы о жизни и творчестве Даля Н.Н.Модестова, В.И.Порудоминского, М.Я.Бессараб, Ю.П.Фесенко и др. исследователей. Диссертационное исследование опирается на теоретические труды М.М.Бахтина, Д.С.Лихачева, Ю.В.Борева, В.Е.Хализева, научные разработки которых сказались в современном литературоведении.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в дальнейшем при изучении творчества Даля, в спецкурсах и спецсеминарах на филологических факультетах, внесут вклад в разработку проблемы «литература и фольклор».

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры русской литературы и методики преподавания литературы Самарского государственного педагогического университета. Основные положения

излагались и обсуждались на научно-методических конференциях в России: «Актуальные проблемы изучения филологических дисциплин в вузе и школе» (Самара, 2003), «Проблемы изучения русской литературы XVIII века» (Самара, 2003), в Казахстане: «Валихановские чтения-7» (Кокшетау, 2002), «Международная конференция, посвященная 70-летию проф. М.М.Багизбаевой» (Алматы, 2002), «Образование и наука в современных условиях развития Казахстана» (Уральск, 2002). Основные положения диссертации изложены в восьми публикациях (список прилагается).

Структура работы оформилась соответственно поставленной цели и задачам. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования. Определяются цели и задачи исследования, методологические основы, проводится историографический обзор, дающий представление о степени изученности избранной темы. В поле зрения оказываются мнения критиков и литературоведов XIX и XX веков, высказывавших порой противоречивые суждения о творчестве Даля. Исследователи уделяли внимание проблеме далевского фольклоризма, но нельзя сказать, что она разработана полностью и во всех отношениях удовлетворительно. Можно говорить, что это подступы к проблеме. В 1920-х годах В.А.Гофман проанализировал стилевые особенности созданного Далем фольклорного сказа⁵. Проблема воздействия устно-поэтических традиций на Даля при создании им сказок обстоятельно изучена И.П.Лупановой⁶. Известна статья литературоведа З.И.Власовой⁷, в которой она говорит об огромном значении фольклора в творчестве писателя. Она высказывает мысль о невозможности рассмотрения Даля без учета его фольклорно-этнографических интересов и разносторонней собирательской деятельности. Вопрос о фольклорных интересах писателя поднимается и оренбургскими исследователями⁸. Имеются отдельные рассуждения на эту тему в книге

⁵ Гофман В.А. Фольклорный сказ В.И.Даля // Русская проза. Л., 1926.

⁶ Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959.

⁷ Власова З.И. В.И.Даль // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX в. Л., 1976. С.338-360.

⁸ Вертоусова Е. «Все у него правда...»: Оренбургские предания в повести В.И.Даля «Серенькая» // Вечерний Оренбург. 9 декабря 1999. С.16; Прокофьева А.Г. Оренбургские мотивы в прозе В.И.Даля // Вторые международные Из-

В.И.Порудоминского «Даль»⁹, но полного монографического изучения этой темы до сих пор не было.

Наше внимание привлекает проблема воздействия устно-поэтических традиций уральских казаков и казахов в творчестве Даля оренбургского периода. Он использовал фольклор в «Толковом словаре живого великорусского языка» и в художественных произведениях.

Первая глава «**Фольклорные традиции уральских казаков в творчестве раннего В.И.Даля**». В развитии русской литературы начала XIX века, к которой относится творчество В.И.Даля, огромную роль сыграли традиции устного народного творчества. «Поэтическая система народной поэзии привлекает внимание писателей своеобразием форм, отражением мироощущения народа, его представлений о жизни природы, человека и общества», - отмечает Т.М.Акимова¹⁰.

В параграфе 1. рассматривается фольклорная традиция и аспекты её изучения. Проблема «литература и фольклор» волновала литературоведов ещё в конце XIX-начале XX в. Работы В.Миллера, П.Владимирова, Б.Соколова, А.Орлова, появившиеся в это время, ограничивались узким кругом источниковедческого характера. Но, как верно заметила Э.В.Померанцева, установленный факт обращения писателя к фольклору ничего не говорит об идейно-художественных особенностях его творчества. В работах исследователей 30-40-х годов Ю.Соколова, Н. Пиксанова, Н.Андреева наблюдается стремление связать обращение писателей к фольклору с идеологическими, общественными позициями, общелитературными традициями эпохи. В 50-60-е годы исследователи Л.И.Емельянов, М.К.Азадовский, Н.Ф.Бабушкин, С.Ф.Елеонский, В.Г.Базанов изучают различные проявления традиций и особенности конкретных, исторически детерминированных форм обращения литературы к художественному опыту, накопленному в устном народном творчестве. В работе мы опираемся на методологические концепции изучения проблемы исследователей 80-90-х годов – Н.И.Кравцова, У.Б.Далгат, Д.Н.Медриша, С.З. Агранович и Л.П.Рассовской.

Рассматривая круг вопросов, связанных с проблемой влияния устно-поэтических традиций, необходимо понять, какими социальными, историко-литературными, творческими и личными факторами оно обусловлено.

майловские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В.И. Даля. Оренбург, 2001. С. 60-66.

⁹ Порудоминский В.И. «Только славущка худа...» // Порудоминский В.И. Даль. М., 1971. С.190-200;

¹⁰ Акимова Т.М. Литература и фольклор // Акимова Т.М. О фольклоризме русских писателей. Саратов, 2001. С.18.

В параграфе 2. изучаются предпосылки обращения В.И.Даля к фольклору. Время вступления Даля в литературу – 30-е годы XIX в. – время общественного и литературного подъема. Эти годы отмечены наиболее пристальным вниманием к жизни простого народа, центральной проблемой времени становится проблема народности. В это время Даль принимает активное участие в литературных спорах о народности, о литературном языке, о путях развития литературы.

К этим вопросам обращаются разные слои русского общества, в том числе и А.С.Пушкин, с которым был знаком, дружил и встречался в Оренбурге Даль. Особенно важно, что Далю были близки основные принципы фольклоризма Пушкина, вытекающие из признания народа основной силой исторического процесса. Стремление Пушкина взглянуть на события глазами народа, выяснить «мнение народное», постичь социально-исторические закономерности русской действительности, творчески воссоздать стихию народной жизни во всем богатстве её проявлений – было правильно понято, полностью воспринято Далем именно в эти годы. Оренбургский период творчества Даля совпал с периодом становления натуральной школы. Отношение к фольклору у представителей натуральной школы было многообразным и противоречивым. Даль привлек их принцип всестороннего исследования народа, условий его жизни и быта, изучение народного мышления, народного творчества. Некоторые принципы натуральной школы совпали с воззрениями писателя, но в тоже время он выходит на иной уровень осмысления народной жизни.

В оренбургский период проявляется многогранная натура писателя. Он много ездит, общается с людьми, и это дает возможность собрать богатейший фольклорный и этнографический материал. Общение с Пушкиным, многообразие и яркость полученных в крае впечатлений способствовали расцвету писательского таланта Даля, и оренбургский период оказался очень плодотворным. З.И.Власова отмечала: «В оренбургском крае Даль провел лучшие годы своей жизни, здесь разносторонность его интересов проявилась и в изучении края, и в собирательской и литературной деятельности»¹¹. Здесь все было необычным для писателя: история края, природа, народ и его творчество. Даль понял, сколько возможностей скрывает в себе этот материал: «...едва ли Кавказ со всеми причудами своими может обещать то, что заповедает восточный склон хребта Уральского, Общего Сырта и прилежащие к Уралу степи»¹². В это время имя Даля окончательно утверждается в русской литературе, чему в немалой

¹¹ Власова З.И. В.И.Даль // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX в. Л., 1976. С.355.

¹² Даль В.И. Письмо к Гречу из Уральска // Северная пчела. 1833. № 230.

степени способствуют масштабные по охвату материала, многообразные в жанровом отношении, яркие по писательскому исполнению оренбургские произведения, которые объединяет одна общая черта – творческое, новаторское использование фольклорных традиций. Фольклор уральских казаков и казахов нашел свое отражение во многих художественных, публицистических и научных произведениях писателя – в очерке «Уральский казак», предании «Полунощник», повестях «Бикей и Мауляна», «Майна», в письмах из Оренбурга, в «Толковом словаре живого великорусского языка».

В параграфе 3. выясняются уровни проявления и пути вхождения фольклорных традиций уральских казаков в «Толковом словаре живого великорусского языка», очерке «Уральский казак» и предании «Полунощник».

Народная культура уральских казаков, которую досконально изучил писатель, имела четырехвековую историю. За эти века в яицкой общине сформировалась и получила развитие самобытная казачья культура, воплощенная в устном творчестве. Предания, легенды, былички, пословицы, поговорки, былины, песни стало частью его огромного труда «Толкового словаря живого великорусского языка». Исследования последних лет подтвердили наличие в словаре художественного начала. Ю.П.Фесенко делает вывод: «Словарь Даля – в равной степени художественное и научное сочинение. В этом смысле оно сродни «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина»¹³. Обращение к словарю дает нам возможность поиска, экскурса – исторического, фольклорного, этнографического, так как в слове как в капле воды отразились народные явления. Даль приводит в словаре не полные фольклорные тексты, только фрагменты, он нигде не указывает, что это именно казачий фольклор, вкрапления скрыты. В словаре встречаются фрагменты исторических и топонимических преданий. Включая фрагменты преданий в словарные статьи, Даль преследует цель представить историческое прошлое казачества и дать оценку историческим личностям с позиций народа. Исторические предания связаны с реальными лицами – Ермаком, Степаном Разиным, Емельяном Пугачевым; с историческими событиями – происхождением казаков, образовании казачьего войска, военными походами, сражениями казаков, обычаем делить добычу на дуване. В словаре выявлены два фрагмента преданий,

¹³ Фесенко Ю.П. Русская литература XIX века в Словаре В.И.Даля: к постановке проблемы // Вторые международные Измайловские чтения... Оренбург, 2001. С.105; Фесенко Ю.П. Проза В.И.Даля. Творческая эволюция. Луганск, 1997. С.268.

связанных с историей образования уральского казачьего войска¹⁴: 1. Праматерь уральских казаков, бабушка Гугниха, первая женщина, допущенная в казачий быт (II,377); 2. За здоровье бабушки Гугнихи! Праматерь уральских казаков (I,405). Эти два фрагмента предания «Бабушка Гугниха», которое было записано П.И.Рычковым от атамана яицкого войска И.Г.Меркурьева в Яицком городке в 1748г. В нем говорится, что первой женщиной в казачьем войске стала татарка Гугниха, которая считается праматерью уральских казаков. «Доныне, - писал А.С.Пушкин, посетив в 1833г. Уральск, - просвещенные и гостеприимные жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугнихи»¹⁵. На одном из собраний или гуляний Даль слышал тост за Гугниху и записал, чтобы потом процитировать в словаре.

Первые казаки установили воинскую организацию быта, особенности которой передают следующие фрагменты: 1.В устьях Урала есть урочище Дуванный бугор, где казаки встать, возвращаясь с моря, из Персии, дуванили дуван (I,499); 2.Без атамана дуван не дуванят (I,499); 3.Станичники полон делили, дуван дуванили, делили добычу (III,264); 4.Бывшие волжские разбойники дуван дуванили, делили добычу (III,264); 5.Много ль надуванили, почем пришлось на брата? (II,410); 6.Астраханцев зовут дуванщиной (I,499). Предания уральских казаков были записаны в 50-е годы XIX в. писателем И.И.Железновым от казака А.Д.Барсукова и были опубликованы в собрании сочинений Железнова под общим названием «Уральцы. Очерки быта уральских казаков»¹⁶. При комментировании фрагментов в словаре нами использован данный сборник. Первый фрагмент указывает на реальное географическое пространство, на котором жило уральское казачество, и несет культурную информацию. 2,3,4 фрагменты включены в качестве намека на хорошо известные казачьи походы на восток с целью добывания женщин. Не только из преданий, но и из песен известно, что казаки после похода делили добычу на дуване, а атаману доставалась лучшая доля. В 4 и 6 фрагментах речь идет о Степане Разине и его помощнике Харко, которые делили добычу после набегов на Персию. В преданиях уральских казаков отражены сведения о зарытых Харко дуванных кладах, на которые намекает 6 фрагмент.

Небольшая часть фрагментов связана с именем *Ермака Тимофеевича*: 1.У Ермака, сказывают, были позволительные царские грамоты на Си-

¹⁴ Цит. фрагменты по: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999. Т.1-4. Далее сн. даны в тексте.

¹⁵ Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10т. М., 1965. Т.8. С.153.

¹⁶ Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков // Железнов И.И. Полн. собр. соч. СПб., 1910. Т.3.

бирь (III,230); 2.Ермак, оскочившись, упал в воду и утонул (II,698); 3.Пожилось Ермаку по три чирья на боку! (II,222). В уральских преданиях Ермак наделяется недюжинной силой, ему подвластны сверхъестественные силы. Основные мотивы этих фрагментов: мотив покорения Сибири для «белого» царя, мотив кары за принятие царского подарка и мотив смерти. Народ осуждал Ермака за то, что принял царский подарок. Отсюда поговорка «Пожилось Ермаку по три чирья на боку!», которую, учитывая народную точку зрения, цитирует писатель. Часть предания о смерти Далема включена не полностью, опущены объяснения причины смерти.

Обширный блок фрагментов преданий и легенд связан с именами *С.Разина* и *Е.Пугачева*. В середине прошлого века русские легенды знали, главным образом, по сборнику А.Н.Афанасьева «Народные русские легенды» (М., 1859). В это же время включает фрагменты казачьих легенд и Даль. В словаре нами выявлены фрагменты, связанные с именем Разина: 1.Змеи от того не кусаются, что Степан Разин их заговорил (I,686); 2.От его (Разина) погляду люди каменели, от взгляда (III,154); 3.Не Стенька: на ковре по Волге не доплывешь. Разин расстилал на воду ковер и на нем безопасно уплывал (от преданья) (II,128); 4.Степан Разин ожил в Емельке Пугачеве (II,657); 5.Возьми шубу, да не быть бы шуму, сказал Степан Разин астраханскому воеводе, отнявшему у него на свою долю добычи дорожную персидскую шубу – и с той поры пошел разбоем на Волгу, именем воеводы (IV,647); 6.Они (суда Разина) шелком приоснащены (IV,244); 7.Вор Стенька вманился в город (Яицк) обманом (I,214); 8.В 1672 году, янв. 15, была сказана у посольского приказа сказка о поражении Стеньки Разина. Полное собрание законов (IV,190); 9.Поразбойничал Стенька на веку своем, а все виселицы не миновал (III,312). Основными мотивами этих фрагментов являются: атаманство, разбойничество, чародейство и трагическая гибель. В уральских легендах Разин – колдун, атаман воровской шайки – поэтому грешник, но он также и «проклятый», а потому страдалец, обреченный на вечные муки. Даль полностью воспроизводит этот образ, он не подвергает фрагменты никакой трансформации. Первые три фрагмента несут мотив чародейства и приверженности Разина к нечистой силе. Историческая личность Разина получает легендарные черты. В уральских легендах Разин обладает способностями повелителя водных стихий. Народную поговорку «Не Стенька: на ковре по Волге не доплывешь» Даль цитирует и объясняет её так: «Стенька Разин на ковре летал и по воде плавал. Разин расстилал на воду ковер и на нем безопасно уплывал (от преданья)». Разговоры о чародействе героя не мешают воспринимать его как вора и разбойника. Для подкрепления народной памяти писатель обращается к документам (8 фрагмент), что лишний раз его убеждает в противостоянии фольклора и официальной идеологии.

Фрагменты преданий о *Пугачеве*, включенные в словарь, говорят о глубоком интересе Даля личностью «народного царя». Они сосредоточены в основном в 3 и 4 томах словаря: 1. Христонаступник Пугачев, заняв столицу Берды, сел на царский престол, слышав, что царь сидит на престоле (IV,565); 2. Давно я не сидел на престоле, сказал Пугачев, садясь в Бердах на престол в церкви, который считал царским местом (IV,565); 3. Пугачев в селе Бердах помедил избу, в которой стоял (III,271); 4. У крупных разбойников (Пугачева) были свои есаулы (IV,681); 5. Щелкуша, наглый забияка, драчун (прозвище Пугачева товарища) (IV,653); 6. Он погублен Пугачевым (III,154); 7. Повызорил Пугачев всё Поволжье, повыжег села (III,148); 8. Жалую вас крестом (старым), бородой и вечной волей (I,239); 9. Ведь я не Пугач, хоть царем скажись, не поверят (IV,570); 10. Пугачев был четвертован (IV,602). Основные мотивы фрагментов: самозванство Пугачева, обстоятельства появления царя на Яике, царская свита и золотые палаты, манифесты Пугачева, разбойничество и трагическая гибель. В крепкой вере в Пугачева-царя Даль убедился, когда путешествовал вместе с Пушкиным по местам пугачевского восстания. В словаре он записал: «Неистовые поступки или неистовства Пугачева памятны донине в народе» (II,520). Беседы с казаками обозначены следующей фразой: «Этому старику пугачевщина запамять» (I,612). Пугачев объявил себя царем Петром III. В воспоминаниях о Пушкине Даль передает рассказанный казаками анекдот об усевшемся на церковный престол Пугачеве. Тема самозванства Пугачева звучит в 1 и 2 фрагментах. Эти фрагменты являются частью казачьего предания «Пугачев - Петр III». Но Даль подвергает эмоциональной трансформации фольклорный элемент, добавляя слово экспрессивной лексики. В Оренбурге бытовало предание о «золотом дворце» Пугачева. Даль воспринимает палаты более реально: «Пугачев в селе Бердах помедил избу, в которой стоял». Пугачев появился на Яике не один, с ним были есаулы. Даль называет одного товарища Пугачева – Щелкуша. Это Хлопуша – беглый крепостной крестьянин А.Т.Соколов, который славился своей жестокостью. Писатель намекает на многочисленные факты жестокости Пугачева и его свиты в 6 и 7 фрагментах. Пугачев не был старообрядцем, но вставлял старообрядческие мотивы в свои манифесты. 8 фрагмент – выдержка из такого манифеста. В отношении Даля к личности Пугачева большую роль сыграла антипугачевская правительственная и церковная пропаганда, поэтому он называет его «крупным разбойником». Но в Словаре нашла отражение и народная точка зрения. Даль цитирует народное изречение: «Ведь я не Пугач, хоть царем скажись, не поверят». На Яике задолго до пугачевского восстания распространились слухи о том, что император Петр III не умер, а живет тайно. М.А.Надель-Червинская объясняет смысл прозвища «Пугач»: «Народ,

придавший мифические черты своему герою, не упустил из виду, как всегда, и традиционный смысл его фамилии»¹⁷. Мотив трагической судьбы самозванца звучит в 10 фрагменте. Это суждение писателя противоположно народному, так как сами казаки верили, что Пугачеву удалось спастись.

В словаре присутствуют и фрагменты преданий, связанных с *хивинскими походами казаков*. В походе 1839 г. Даль принял самое активное участие, где он слышал предания о хивинских походах и донес до нас живое народное слово. Фрагменты, расположенные в разных словарных статьях, скрепляются определенным сюжетом – складыванием отношений с Хивой и неудачными походами в хивинское ханство: 1. Пропал, как Бекович (при Петре I, в походе на Хиву) (III, 500); 2. У хивинского хана областка небольшая (II, 594); 3. Хивинцы торгуют пленниками, воруя людей (III, 264); 4. Хива – сторона дикая, тамошний обычай звериный (IV, 389); 5. Хан хивинский неистов: казнит и жалует по прихоти (II, 520); 6. Хивинцы замучили пленника до смерти (I, 606); 7. Поначеканил монету и хивинский хан (III, 284); 8. Хивинцы рать набирают, хотят грабить Персию (IV, 85); 9. Послать в Бухары и Хиву хабарщиков-иноземцев (IV, 540); 10. В неудачном походе на Хиву солдаты, подшучивая в Рождество над голодухой, уверяли, что будут пироги с ябагой (IV, 671). Даль обращается к преданиям о походах А.И. Бековича -Черкасского и В.А. Перовского. Во фрагментах, включенных Далем, образ хивинской земли превращается в символ несчастья, окрашенный в мрачные мистические тона. Оба похода оказались неудачными. Поход Бековича -Черкасского был тщательно спланирован: князь выступил с целой армией, прекрасно вооруженной. Но в Хиве его армия была рассредоточена и перебита. О страшной судьбе самого Бековича народ сложил поговорку: «Пропал, как Бекович!». Как коренную фольклорную поговорку и цитирует в Словаре писатель. Тему жестокости продолжает 4 фрагмент, который указывает на то, что Даль осуждал жестокость хивинцев. В Хиве процветал работорговый промысел, на него намекает писатель во фрагменте: «Хивинцы торгуют пленниками, воруя людей». Рассказы русских невольников, которым удалось бежать из плена, Даль записывал и публиковал. 5 и 6 фрагменты вызывают в памяти строки «Рассказа Федора Федорова Грушина», в котором герой повествует о безуспешных попытках бежать из хивинского плена. Реминисценция позволяет понять, от чего возникало неугасимое стремление вернуться на родину. Власти России вели борьбу с рабовладельческим промыслом. Хивинскому хану было отправлено послание, об этой акции речь идет в 9

¹⁷ Надель-Червинская М.А. Энциклопедический мир В.Даля. Ростов – на - Дону, 1996. С.439.

фрагменте. Последний фрагмент связан с участием Даля в походе под началом В.А.Перовского. Из преданий известно, что казаки осуждали этот поход, так как считали главной его причиной карьеризм чиновников. Народную точку зрения Даль учитывал и передал её в 10 фрагменте. Фрагменты скреплены оценкой предприятий против Хивы, комментариями, личным мнением писателя.

В плане изучения социальных воззрений, морально-этических понятий казаков Даля привлекли казачьи **былины**. В словаре фрагменты: 1. Он три года привередничал, три года стольничал (IV,328); 2. Два голубчика целовались, миловались (IV,577) не снабжены никаким комментарием, но твердо можно утверждать, что это фрагменты былин о Добрыне Никитиче и Маринке. Добрыня – наиболее популярный герой у казаков. На Урале эта былина зафиксирована в 27 вариантах, один из которых цитирует писатель. Цитирует он и строчки одного из вариантов былины об Индрике: «У нас Индрик-зверь всем зверям отец» (II,44). Былина об Индрике – собственно казачья былинная песня. Е.И.Коротин считает, что былинные песни о чудесных животных в действительности изображали межнациональные отношения¹⁸. Строчки былин раскрывают человеческие качества, черты характера основных этнических представителей казачьего войска.

Привлекали внимание Даля и уральские **былички**. В словаре встречаем два фрагмента быличек: 1. Костка-счастливка, косточка-невидимка, которую находят, по суеверному преданию, в разваренной до тла черной кошке, делает человека невидимкою (II,177); 2. Коли пойло пастью прококует, то вражья сила в нем поселится. На сем поверье сложена сказка об отшельнике, поймавшем черта в непокрытом на ночь рукомойнике (I,259). Обе былички – «Косточка-невидимка» и «Камык-камень самоцвет», фрагменты которых цитирует Даль, не только отражают мировоззрение казачества, но имеют острую социальную направленность. Даль приводит только сюжет быличек, опуская звучащие в них мотивы неприязни к чиновникам.

Даля восхищало не только народное воображение, но и народная мудрость, сосредоточенная в **пословицах и поговорках**. Сто пословиц, включенных писателем как цитаты, можно разделить на несколько групп, которые будут соответствовать разным сферам народных знаний о жизни: 1 группа – пословицы о человеке; 2 группа содержит мысли человека о разнообразных отношениях в обществе; 3 группа – пословицы о различных явлениях и закономерностях природы; 4 группа пословиц отражает наиболее общие закономерности природы. В словаре также представлены

¹⁸ Коротин Е.И. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков. Самара-Уральск, 1999. Ч.1. С.50.

и двадцать поговорок уральских казаков. Это образные народные изречения, бытовавшие в устной форме в казачьей среде, которые Даль собирал, стремился зафиксировать и сделать украшением русского языка. Не случайно в словаре пословица и поговорка – важнейший компонент в объяснении значения слова. Даль относился к пословицам и поговоркам не только как к иллюстративному материалу. То, что было им использовано в словаре, он включил в общественное сознание, т.е. это стало культурной данностью.

Данные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что Словарь – оригинальная энциклопедия народной жизни, в которой нашло отражение устное творчество уральских казаков. Мы убедились в обширности фольклорного материала, продуманности его включения. В научные толкования приносилось писателем фольклорное «многоголосие». Писатель находит основы бережно хранимой и передаваемой из поколения в поколение устно-поэтической традиции и включает её в ткань очерка «Уральский казак» и предания «Полунощнику».

Очерк «Уральский казак» написан на основе наблюдений писателя, сделанных в процессе служебной деятельности и частых командировок в Уральск. Задачу, которую поставил перед собой писатель, можно охарактеризовать как полное погружение в стихию народной жизни, всестороннее изучение и правдивое изображение всех её явлений. В.Ф.Одоевскому в письме из Оренбурга Даль сообщал, что собирает материал для уральского романа: «У меня давно на уме уральский роман; быт и жизнь этого народа, казаков, цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинками и жизнью, самородною; это заветный уголок, который должен быть свят каждому русскому»¹⁹. Свою творческую задачу писатель сумел реализовать в жанре очерка, чему способствовало впитывание богатейших традиций устного народного творчества. Судьба главного героя – Маркиана Проклятова – имеет песенный аналог в социально-бытовой лирике казаков. Это собственно казачьи песни, неизвестные в других регионах, – «Молодой мальчишка вырос на коне» и «Сыны Урала дождались».

В фольклорном и литературном произведениях совпадают основные реалии и сходны ситуации, на их основе возникла композиция – лирическая. И в очерке Даля, и в социально-бытовых песнях на первом плане – изображение условий военной, хозяйственной, семейно-бытовой жизни послепугачевского поколения. Но, главное, что произведение Даля и казачьи песни питает общая идея – идея утраты вольной жизни в равноправной и богатой общине, растущее неравенство, бедственное положение простого казака и даже его гибель. Родился Маркиан в непростое время,

¹⁹ Литературное наследство. М., 1952. Т.58. С.145.

полное всяких испытаний и лишений: с десяти годов пас табуны, пошел служить и прослужил 33 года. Но трудности закалили его: «Обтерпелся, да сызмаленьку привык», «Сызмаленьку привык, дело домашнее»²⁰. Литературовед З.И.Власова не случайно называет Проклятова «выдающейся личностью»²¹. Такие качества придает ему сформировавший его уклад «дониконовской» казацкой общины, а Маркиана справедливо называют «сколком с этой общины»²². Повторяющиеся на протяжении всего очерка реплики о выносливости героя перекликаются со строчками песни «Молодой мальчишка вырос на коне», где изображена выносливость казака в изменившихся к худшему условиях жизни:

Молодой мальчишка вырос на коне,
Эх, молодой мальчишка вырос на коне!
Плохо бедным казакам на Урале перебиваться,
Они плачут и горюют – некуда деваться!²³

В начале очерка Маркиан показан на рыболовецком промысле. Маркиан – бережный хранитель рыболовецких традиций. Он «ждет по знаку атаманской пушки, чтобы секунды одной не прозевать, столкнуть челнок на воду, выкинуть ярыгу и вытащить осетра» (VII, 176). Такую же ситуацию находим и в социально-бытовой песне «Сыны Урала дождались»:

Сыны Урала дождались
Своей работы годовой....
Ударил выстрел. Побежали!
Стремнину заняли реки...²⁴

Даль передает процесс ловли красками, звуками, движением, так что возникает колоритная картина: «... крик, шум, брань, толкотня на воде, как в самой жаркой рукопашной свалке; давят и душат друг друга, бударки трещат» (VII, 177). В песне момент ловли описан очень ярко, поэтично:

Шумят, гудят,
Азарт и давка,
Вот зыбнул лед,
Пошла вода
И раздается громко, звонко:
- Скорей, скорей! Сюда, сюда!

²⁰ Даль В.И. Уральский казак // Даль В.И. Полн. собр. соч. СПб., 1893-1898. Т. VII. С. 172.

²¹ Власова З.И. В.И. Даль С. 348.

²² Евстратов Н.Г. Русские писатели в Казахстане. Алма-Ата, 1979. С. 36.

²³ Коротин Е.И. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков. Ч. 1. С. 230.

²⁴ Там же. С. 219.

Прокормить себя и семью было делом очень не простым: «Льдина переворачивалась под ним раза три, да Проклятов на неё не глядел: он только берег рыбу свою...» (VII, 177). Песня также рисует бедственное положение казака:

А он, бедняга, алой кровью
Покроет тот разбитый лед,
Казак усталый после лова
Свою добычу продает.

Несмотря на трудности, река в период казачьего самоуправления получает яркую поэтизацию, превращаясь в образ Яика-Горыновича. Жизненно важное значение Яика стало символом родины и в устной поэтической традиции, и в очерке Даля. Так Маркиан готов был «приколоть на месте всякого, кто во время ходу рыбы осмелился бы напоить скот из Урала...» (VII, 178). Любовь к Яику была возвышенной, одухотворенной, что отразилось в народном творчестве:

Яик, ты наш, Яикушка, Яик, сын Горынович,
Про тебя, про Яикушку, идет слава добрая,
Про тебя, про Горыныча идет речь хорошая.
Золоченое у Яикушки его было донышко,
Серебряна у Яикушки его была покрывашка...²⁵

Эта песня в среде казаков имела значение гимна, распевалась и на рыболовствах, а о Маркиане автор говорит, что он – первый песенник, первый плясун. Строчки из этой песни стали поговоркой, которую и цитирует Даль, желая подчеркнуть надежду на реку, несмотря ни на какие социальные потрясения: «Морозу он не боится <...> потому что сызмала в мокрой работе, что Урал – золотое дно, серебряна покрывашка, кормит и одевает его» (VII, 174).

С помощью традиционных пословиц, поговорок, народных изречений, обычаев писатель показывает многогранную личность героя. Мы видим его опытным моряком и рыболовом, наездником, закаленным солдатом, охотником, любящим отцом и мужем. Эта многогранность вызвана разными проявлениями культурных казачьих традиций. Зная, что большое значение имело соблюдение рыболовецких традиций, Даль изображает героя, строго соблюдающего эти традиции. Традиционно бережное отношение к Яику исповедуется и Маркианом. Традиционная старообрядческая вера становится верой героя, он никогда не помышляет об измене этой вере. Как настоящий казак, Маркиан представлен Далем балалаечником, плясуном, песенником. Следование традициям предков раскрывается и в гостеприимстве героя, и в обычаях давать детям имена по церковному

²⁵ Там же. С. 111.

календарю, а дочерей выдавать замуж без приданого. Народные обычаи противостоят складывающейся в войске чиновной бюрократии, и Даль показывает, как герой, помня традиции отцов и дедов, осуждает чиновников за нарушение этих традиций.

Описывая сборы Проклятова на войну, Даль прежде всего говорит о традиционном спутнике казака – коне. Проклятов к походу добывает коня, и, казалось бы, прямого фольклорного источника нет, но контекст его предполагает. Это тот случай, когда «... поэтические импульсы, существуя в фольклоре, быть может, многие века, сохраняясь в скрытом состоянии <...> и воздействуя на развитие художественного слова в виде неких катализаторов, воспринимаются писателем не в их непосредственном фольклорном виде, а как органическая часть эстетического народного сознания»²⁶. В казачьих семьях во время проводов казака на войну, в поход мать или жена, причитали, обращаясь именно к коню:

Уж, конь ты наш серый, конь серопегий,

Не покинь ты млада-вьюноша, сына мово милова.

Не дай ты взять верху над собой

Коню неприятеля...²⁷

Казачья песня «Уж, конь ты наш серый, конь серопегий» рисует положение казака, попавшего на внешнюю службу и гибель его далеко от родного дома. Так и далевский Маркиан гибнет на чужбине. Герой навсегда остается в бескрайних степных просторах, но именно его смерть подтверждает то, что он – часть единого духовного пространства. Об этом говорит следующая малозаметная деталь: жена Маркиана, как и другие казачьи жены, выходит на дорогу встречать возвращающихся с войны казаков. Она спрашивает о судьбе мужа, называя его по имени-отчеству: «Где же Маркиан Елисеевич Проклятов, спаси вас Христос и помилуй, где же Проклятов?» (VII, 191). От упомянутого Далем обычая казаков спрашивать: чьих? – то есть какой фамилии, какой семьи, до возникающего рода Проклятовых. Произнесенное отчество указывает на этот род – от Проклятова к его отцу Елисею, и дальше, к казачьим дедам и прадедам.

Фольклорные элементы в ткани очерка никаким преобразованиям не подвергаются. Это происходит потому, что писатель учитывает социально-исторические условия – действие очерка происходит в послепугачевское смутное время и Даль видит основы бережно хранимой устно-поэтической традиции. Привлекаемый фольклорный материал обширен и многопланов. Такой тип фольклоризма – проявление таланта писателя, ко-

²⁶ Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. С. 210.

²⁷ Железнов И.И. Уральцы. Т.3. С.96-97.

который помог ему создать очерк «Уральский казак» – энциклопедию казачьей жизни.

Народная стихия помогает понять глубокий смысл уральского предания «Полунощник». В литературоведении этому произведению не уделялось до сих пор внимания. Между тем фольклорная стихия органично вошла в художественный мир писателя. Уже в самом названии Даль объясняет читателю, что им взят устный источник сюжета – народное предание. В фольклоре уральских казаков предания на подобный сюжет не зафиксировано. Даль не слышал предание об измене Кизылбашева, он сочинил рассказ о судьбе такого человека. Даль, прежде всего, следует традиции А.С.Пушкина в понимании народности, но представляет взгляду читателя и свои художественные открытия.

Как и многие литераторы начала XIX в., Даль насыщает свои произведения картинами исторического прошлого. Действие предания происходит «лет тому да много – никак вскоре после пугачевщины»²⁸. Точной датировкой писатель пренебрегает, потому что память народная чуждается хронологии, точных дат. Не только книжный тон сменился устным, но и книжный отсчет времени уступил место тому, который принят в народе. Время действия предания – «никак вскоре после пугачевщины» – символично. Происходящее приурочено не к конкретному отрезку времени, но к целой эпохе, связанной с появлением Пугачева на Урале. Точное место действия – уральские станицы – выбрано писателем не случайно. Это экскурс в недавнее прошлое Урала, о котором живы ещё предания и легенды, а в произведении Даля они способствуют созданию местного колорита. Даль выявляет трагическую ситуацию эпохи, когда «казаки не выходили со двора без винтовки за плечами». Автор вводит в предание вещественные знаки эпохи, они подкрепляют достоверность предания. В предании видны и зримые приметы тревожного времени, которые должны были ориентировать читателя на достоверность происходящего. Поговорка «Бей волка досуха» использована писателем в качестве аллюзии, намек на трагические события в уральском войске.

В центре предания судьба молодого человека Кизылбашева. Отец его был пленным персиянином, который приписался к уральскому войску. Герой происходит из простой семьи, небогатой. Задумав жениться, Кизылбашев решает придерживаться традиционного ритуала ухаживания за невестой – казачкой Ориной Мироновной. Но у девушки появляется другой жених, более состоятельный. Даль вводит описание казачьего свадебного обряда, не изменяя семантику фольклорного элемента. Он раскрывает наметившееся в конце XVIII века социальное расслоение в среде каза-

²⁸ Даль В.И. Полунощник // Даль В.И. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 41.

чества, с которым была незнакома казачья община. В фольклоре уральских казаков тема социального неравенства нашла свое отражение в преданиях, сказках, быличках, песнях. Но у Даля эта тема раскрыта шире, как тема неравенства в современном мире. Традиционно веселый тон свадьбы звучит антитезой к мрачному настроению героя. Следуя народной традиции, Даль подчеркивает одну черту характера своего героя – мстительность. Но решимость наказать обидчиков – отца и мужа девушки – оборачивается бедой для Кизылбашева. Он предает казачий отряд, и этот поступок ему не прощается: «Весть об измене Кизылбашева <...> разошлась вскоре по всему войску, и едва ли на чью-нибудь голову было когда-либо произнесено столько проклятий, сколько досталась от мала до велика на долю позорной памяти этого несчастного полуперсиянина»(VII,49). Даль обратился к жанру преданий, так как они дают оценку с позиций народа. Совершив преступление, герой проклят людьми и вынужден скитаться полуношником: «С этого времени уральским отрядам частенько случается видеть в степи полуношника; и полуношник этот не иной кто, как Кизылбашев»(VII,49). В фольклоре казаков есть народные рассказы о «проклятых» отцом или матерью людях, которые обречены на скитание в образе бесплотного духа. Даль обратился к этому народному суевию, но использовал его как наказание за измену Родине. Образ проклятого если и не заимствован из фольклора, то угадан писателем, обладающим обширными знаниями народной этики. Следуя традиции, Даль в конце повествования прямо характеризует героя и его поступок, и эта оценка звучит, как общее мнение: «Много прошло лет, много десятков лет прошло с той ночи, когда безрассудная, злобная месть воспламенила персидскую кровь этого несчастного и как он, посягнув на одно из самых страшных преступлений, продал свою душу – и все еще приведение его шатается по обширной степи, ищет и не находит покоя...»(VII,50). Если Проклятова в конце произведения называют по имени-отчеству, то Кизылбашева на протяжении всего повествования только по фамилии, правда сказано, что один казак окликнул его по имени, но само имя не звучит. Герой остается без имени, что равносильно, по народным представлениям, потере родины.

Предание изображает жизнь в действительных формах, но и в нем появляются фантастические черты. В этом проявилось новаторство писателя. Истоки этого новаторства в обращении к живой устно-поэтической традиции.

Глава 2 «Фольклорные традиции казахов в творчестве В.И.Даля» посвящена анализу фольклорных традиций в повестях «Бикей и Мауляна» и «Майна». Знакомство Даля с казахскими фольклорными традициями началось летом 1833г. Писатель был одним из немногих, совершавших длительные поездки по казахским степям. У него возникает

глубокий интерес к устному творчеству казахов. Оно нашло отражение во многих художественных и публицистических произведениях писателя.

В параграфе 1. выясняется влияние устно-поэтических традиций казахов в повести «Бикей и Мауляна». Повесть «**Бикей и Мауляна**» давно признана оригинальным произведением. Важно подчеркнуть, что оригинальность повести заключена в широком привлечении фольклорного материала. Фольклорные традиции казахов используются автором при эпической трактовке темы, при характеристике главных героев. Влияние фольклорных жанров ощущается и в художественной структуре повести, и в его стилистической системе, благодаря чему создается та национальная почва, на которой разворачиваются события. В богатейшей казахской поэзии автор искал и находил тот поэтический материал, который помог ему создать «степную версию любви Ромео и Джульетты»²⁹. Для сопоставления повести с казахским социально-бытовым эпосом имеются все основания. Название повести именами главных героев выдержано в традициях казахского социально-бытового эпоса. Эпичность повести проявляется в широте панорамы народной жизни. Повесть состоит из 6 глав, и в каждой из них на первый план выведен народ. И в повести, и в эпосе в основе сюжета лежит древний обычай – договор отцов о будущем браке своих детей еще до их рождения. В казахском эпосе соблюдение этого обычая должно сопутствовать счастьем молодых, но приводит их к гибели, в повести несоблюдение героями обычая сознательно используется автором для раскрытия судьбы и характеров главных героев.

Создавая художественный образ Бикей – главного героя повести – автор идеализирует его во всем. В этом проявилось следование традиции, которая обязывала изображать героя социально-бытового эпоса прекрасным внешне, что соответствовало его прекрасным внутренним качествам. Даль наделяет своего героя богатырской силой, прекрасной внешностью, благородным сердцем, поэтому его «...ни в каком отношении нельзя было ставить в одну шеренгу с прочими земляками его; он был не рядовой» (VII, 296). Эпическая идеализация, к которой прибегает автор, служит выражению национального характера его героя. Бикей тесно связан с той общественной средой, в которой живет и действует. Героя злобно ненавидят братья Бикей. В соответствии с казахской фольклорной традицией Даль изображает братьев Бикей – Кунак-бая и Джан-Кучюка – подлыми негодяями. Даль использует фольклорный элемент – обычай казахов давать имя «по произволу» – для характеристики отрицательных персонажей повести.

²⁹ Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. С.132.

Семейное счастье Бикей безжалостно разрушает его старший брат Джан-Кучюк. Бикей, по обычаю казахов, уже имел невесту Дамилю, но ещё «не слубился» с нею. Свою возлюбленную он встречает во время годовых поминок и Даль очень подробно описывает этот праздник, не изменяя семантику фольклорных элементов в контексте, так как именно в этой обстановке происходит встреча героев. Красота Мауляны показана в традициях казахского устного творчества. Встречаются герои во время любимой игры казахов – кыз-куу, которая выявляет их характеры. Наряду с таким, как кыз-куу, фольклорным элементом встречается множество других. Так, Даль описывает национальную борьбу казахов, подробно рассказывает о киргизских конях, национальных блюдах. В это время писатель принимал участие в составлении «Энциклопедического лексикона» А.А.Плюшара³⁰, поэтому он насыщает повествование фольклорными «справками». Они отличаются яркой образностью, становятся параллелями к судьбам персонажей, с разных сторон раскрывают образ жизни героев, дают им характеристику, передают их чувства и мысли, иногда создают эмоционально-психологический фон.

Как и герои казахского эпоса, Бикей преодолевает четыре препятствия. Первое препятствие – старый обычай договариваться о свадьбе до рождения детей. Отец не желает и слышать о Мауляне, дело давно им решено. Бикей воспитали в уважении к старшим, но диким порядкам противостоит личность. К этому же выводу пришел литературовед М.И.Фетисов: «Бикей – не обычная фигура в казахских аулах начала XIX в.»³¹. Он твердо возражает отцу и тем самым преодолевает второе препятствие – его сопротивление. Третье сложное препятствие – уплата калыма и свадьба. В этом случае фольклорные элементы включены, чтобы показать бережное отношение Бикей к любимой. Символом будущего их с женой благополучия становится обычай казахов делать зыбку для каждого ребенка. В образе Мауляны представлена идеальная жена, которая полностью живет жизнью мужа. Такой образ был традиционен для казахского социально-бытового эпоса.

Помимо главного эпического жанра автор привлекает в свое повествование и другие народнопоэтические образцы, наличие которых в повести не всегда определяется орнаментальными функциями. Так, например, писатель включает запись айтыса, поэтического соревнования между юношей и девушкой. Песенная цитация имеет конкретную идейно-художественную нагрузку. Айтыс указывает на развитую поэтическую культуру, а также показывает духовную независимость героини. Народная

³⁰ Переписка В.И.Даля и М.П.Погодина // Лица. М. – СПб., 1993. №2. С.287.

³¹ Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956. С.148.

песня для Даля – это средство, помогающее глубже понять и ярче охарактеризовать социальные условия и психологический облик своих героев. Именно в эти годы писатель убеждается в силе поэтической традиции: «Что такое народная поэзия? Откуда берется это безотчетное стремление нескольких поколений к одному признаку, и каким образом, наконец, то, что думали и чувствовали в продолжение десятков или сотен лет целые народы, племена или поколения, оживает в слове одного и снова развивается в толпе и делается общим достоянием народа... Для меня это первый залог нашего бессмертия»³².

В веселье живут герои два года, свидетельством чему становится проводимый ими праздник кыз-ойнак. Дух красивого народного праздника передает эмоциональное настроение героев. Как и эпическому герою, Бикею дано два определения, связанных с двумя этапами его жизни: «до женитьбы он батыр, ловкий наездник, силач. После женитьбы в нем появляются черты рассудительного, умного человека, умеющего обдумывать свои мысли и чувства. Герой женится на своей избраннице, чтобы жить достойно. Но семейный конфликт все более и более осложняется. Судьбу Бикея решают на семейном совете, где братья советуют отцу позвать шамана. Включенное Далем описание представления колдования шамана воспроизводит колорит эпохи, религиозные верования казахов. Но важна другая его функция – братья Бикея подготавливают почву для убийства. Бикею предстоит преодолеть четвертое испытание – подлость братьев: Джан-Кучюк убивает его сзади тяжелым чеканом. Мауляна, лишившись мужа, доставалась по традиции его брату, убийце Джан-Кучюку. Однако она отстаивает свою честь, и такое поведение традиционно для казахской девушки. Вся сила любви её проявляется после смерти Бикея. Она скачет по степи, чтобы поговорить с оренбургским губернатором. Не добившись справедливости, Мауляна умирает «летом 1832 года».

Большую роль играют в повести национальная лексика и фразеология. Казахскими словами и выражениями буквально насыщено повествование. Они придают произведению национальный колорит, воздействуют на повествовательный стиль. Инонациональная лексика встречается в речи героев и в рассуждениях автора, что способствует образованию целостной повествовательной ткани. Введение лексики в речь героев позволяет отразить духовную жизнь простого человека, объективно раскрыть его мир. Анализ повести «Бикей и Мауляна» свидетельствует о значительном воздействии устно-поэтических традиций. Характер использования фольклорных материалов обусловлен идейно-тематическим и композици-

³² Даль В.И. Письма к друзьям из похода в Хиву // Русский архив. 1867. №3. С.429-430.

онным единством произведения, в структуре которого они приобретают функциональное значение.

В параграфе 2. определяется влияние традиций в повести «Майна». Повесть «Майна» была также написана Далем в Оренбурге. Помещенные писателем в начало повести предание о Каипе, афоризмы, пословицы и поговорки казахов выстраиваются в условно-синонимический ряд, элементы которого объединены общей темой – темой любви к свободе. Он становится побочным мотивом повести. В центре произведения – судьба двух молодых людей – Майны и Майора. По дороге к своей невесте Майне герой слышит легенду о царе змей шамран, который приносит богатство. Писатель проецирует эту легенду на судьбу главных героев и мотив богатства – один из главных в повести. Майна и Майор волею обстоятельств разлучены на три года. Отец Майны решает отдать её замуж за султана Беркута Юлбарса - богатого, но безграмотного и недалекого старика. Образы султана и змеи шамран – образы, имеющие эквивалентный смысл. Они объединены общей идеей богатства и получаемой с ним не-свободы. Здесь Далем переосмысливается фольклорный образ богатого и мудрого змея. Богатство Беркута Майна отвергает. Её характер создан в казахской эпической традиции. Она и сильна, и умна, и находчива. Все черты характера Майны находят аналогию в эстетике героических женских образов в казахском фольклоре, особенно в эпических произведениях. Женщина в казахских поэмах наделялась «неженской» отвагой, находчивостью, мудростью. Даль, с его огромным чувством эстетики народного творчества, не мог пропустить эту черту народнопоэтического искусства. Но писатель не только следует традиции, но и нарушает её в обрисовке характера другого главного персонажа, спутника Майны – Куцега. Этому персонажу Даль отводит роль почти героическую: «Куцый припас для себя также оружие <...> и с этим деревянным копьём, **рыцарь и герой** наш пустился смело ратовать с судьбою и людьми за обожаемую им красавицу...»(VII,392). Намек помогает установить переклички с эпосом. Казахский эпос рисует героев либо прекрасными во всем, либо во всем безобразными, причем дурная внешность всегда говорит о подлом, жестоком характере.

Безродный пастух Куцый уродлив внешне: «...был он, особенно в своей одежде, урод, на которого нельзя было смотреть без смеху. Ростом не велик, в плечах широк, с коротенькими ножками, огромной головой и ещё огромнейшими ушами, подслеповатыми глазами, представлял он собою живой бурятский кумирчик...»(VII,392). Но читатель видит «золото» души героя: он ласков с Майной, защищает её, в трудных ситуациях он не теряет самообладания. Куцый противопоставлен султану Беркуту Юлбарсу, у которого сквозь реальное золото писатель сумел разглядеть убогость

души. С помощью Куцего Майна достигает счастья. Причем Куцый по чистоте души не предполагает, что Майна предназначена другому. Но в эпосе имеющий дурную внешность злодей наказан, а в произведении Даля происходит наоборот. Его не только утешают, но и награждают женой. Даль подходит к своим герсям с самой высокой меркой, что характерно для эпоса. Мы можем говорить о следовании традиции в обрисовке характера Майны, и о нарушении традиции в обрисовке характера Куцего.

Народное устно-поэтическое творчество привлекло писателя своей оригинальностью. Обращение к фольклору способствовало становлению реалистического метода творчества писателя.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования. Своими достижениями Владимир Иванович Даль обязан глубокой связью с жизнью народа и его устным поэтическим творчеством. 30-40-е годы явились периодом наиболее глубокой связи с народным творчеством. Центральная для того времени идея народности литературы была полностью воспринята писателем. Интерес к богатым традициям устного творчества казаков и казахов у писателя был вызван повышенным вниманием к жизни простого народа и его духовной культуре, сложившимся в обществе во время становления и расцвета его творчества. Общение с А.С.Пушкиным, многообразие и яркость полученных в крае впечатлений также направили талант Даля на изучение традиций фольклора уральских казаков и казахов. Они стали частью огромного труда – «Толкового словаря живого великорусского языка». Словарь в равной степени научное и художественное творение, и привнесение в него фольклора казаков – свидетельство его глубокого уважения к слову и мысли народа.

Стремление Даля обстоятельно узнать историю, культуру народа, морально-нравственные представления, особенности мировоззрения, верований, народные образы было стремлением отразить всю полноту действительности. Обращение к разным жанрам казачьего фольклора – песням, преданиям, быличкам, пословицам, поговоркам, былинам обусловлено сознательным функциональным подходом. Даль учитывает народную точку зрения на все явления. Многоплановое постижение устного народного творчества, преемственность в обращении к фольклорным традициям, творческое сознание Даля способствовали продуманному включению и системной организации фольклорных элементов в словарь. В соответствии с требованиями эпохи была продумана и форма фольклорных вкраплений. Даль приводит в «Словаре» не полные фольклорные тексты, а фрагменты, что говорит о глубинном постижении народного творчества. Нельзя воспринимать фольклорные вкрапления только как иллюстративный материал; нередко они сопровождаются откликами, критическими высказываниями и лирическими рассуждениями самого писателя. Накоп-

ленный в 30-40-е годы по крупицам материал был включен через 30 лет в Словарь, что говорит о признании таких его качеств, как самобытность, уникальность. Традиции запечатлелись им не как законченный итог, а как продолжающийся, живой процесс.

Усваивая сложившиеся за века народные традиции, Даль активно использует их в своих произведениях. Идея писателя при создании очерка «Уральский казак» была не просто показать обобщенный тип казака, а погрузиться в стихию народной жизни. Этой идее соответствует комплекс изобразительно-выразительных средств. Судьба главного героя – Маркиана Проклятова – имеет песенный аналог в социально-бытовой лирике казаков, в чем мы убедились в процессе сопоставления. Фольклорные элементы в ткани очерка никаким изменениям не подвергаются. Писатель видит основы бережно хранимой традиции и воспроизводит её. В этом проявляется «фольклорный физиологизм»³³ писателя.

Народные традиции помогают создать и уральское предание «Полуношник». Следуя устной традиции, писатель создает художественное произведение, вобравшее в себя черты, свойства, способы изображения и выражения. Даль насыщает свое произведение картинками исторического прошлого, отмеченными родством с народными историческими преданиями. Обращаясь к фольклорному жанру предания, Даль руководствуется целью показать народ как долгую череду поколений, объединенных не только общим местом обитания, но и многовековым историческим опытом. В центре предания судьба молодого человека Кизылбашея, который отступает от братства общины и этот поступок ему не прощается. Для писателя важно мнение народное, и в предании оно определяет судьбу героя. В предании появляются фантастические черты, в этом проявился новаторский подход писателя.

Органически усвоенная традиция помогает ему воплотить не только связь времен, но и представить взаимосвязь национальных духовных черт. Обращаясь к казахским устно-поэтическим традициям в повести «Бикей и Мауляна», писатель стремится создать правдивую и конкретную картину жизни этого народа. Самобытность повести заключена в широком привлечении фольклорного материала. Фольклор казахов используется автором при эпической трактовке темы, при характеристике главных героев повести. Влияние фольклорных жанров ощущается и в художественной структуре повести, и в её стилистической системе, благодаря чему создается та национальная почва, на которой разворачивается действие. Конфликт из частной жизни превратился под пером писателя в эпическое по-

³³ Фесенко Ю.П. Пушкинские традиции в «Уральском казаке» В.И.Даля // Русская речь. 1997. № 2. С.114.

лотно, «энциклопедию казахской жизни». В повести «Майна» Даль подходит к своим героям с самой высокой меркой, что характерно для эпоса. Мы можем говорить о следовании традиции в обрисовке характера Майны и о нарушении традиции в обрисовке характера Куцего.

Исследовав данные научные и художественные произведения Даля, мы пришли к следующему выводу: фольклорные традиции уральских казаков и казахов занимают важное место в творчестве писателя. Они стали его источником вдохновения, будили его мысли и чувства. Обращение к устно-поэтическим традициям не лишило Даля самобытности. Опора на традиции способствовала становлению и расцвету таланта писателя. Обращение Даля к фольклорным традициям знаменовало, с одной стороны, рост литературного мастерства писателя, а, с другой – его движение к народу, в отрыве от которого он не мыслил развития горячо любимой им России.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях автора:

1. Фольклор уральских казаков в творчестве В.И. Даля // Хабаршы. Вестник. Алматы, 2002. № 3(54). С.21-25.
2. Образ степи в творчестве В.И.Даля и Н.С.Лескова // Валихановские чтения-7. Кокшетау, 2002. С.132-135.
3. Предания и легенды уральских казаков в «Словаре живого великорусского языка» В.И.Даля // Хабаршысы. Вестник. Уральск, 2002. № 1-2. С.42-45.
4. А.С.Пушкин и В.И.Даль о человеческом достоинстве (по роману «Капитанская дочка» и повести «Бикей и Мауляна») // Устаз. Уральск, 2002. № 4(17). С.19-25.
5. Предания и легенды о Степане Разине и Емельяне Пугачеве в «Словаре живого великорусского языка» В.И.Даля // Образование и наука в современных условиях развития Казахстана. Уральск, 2002. С.57-59.
6. Пословицы и поговорки уральских казаков в «Словаре живого великорусского языка» В.И.Даля // Хабаршысы. Вестник. Уральск, 2003. № 1. С.68-72.
7. Предания и легенды о хивинских походах в «Словаре живого великорусского языка» В.И.Даля // Телескоп. Самара, 2003. № 3. С. 146-152.
8. Образ жизни уральского казачества в очерке В.И.Даля «Уральский казак» // Телескоп. Самара, 2003. № 4. С.178-182.

Подписано в печать 20.10.03 г.
Формат 60х84/16. Бумага ксероксная. Печать оперативная
1 условный печатный лист. Тираж 100 экз.
Заказ № 57. Отпечатано ТОО «Статус»
г.Уральск, ул.Плясункова, 175.

